

Šab āmad, barafrōxt ātaš ču kōh,
 Hamān sāh dar gird-i ō bā gurōh,
 Yak-ē jašn kard ān šab-ū bāda x^vard,
 Sada nām-i ān jašn-i farxunda kard.

«Однажды Хушанг, царь вселенной, пошел с приближенными в горы. Внезапно появилось вдали что-то длинное, черное, проворное и быстрое, из глаз кровь течет, пасть дым извергает, погружая мир во тьму. Взглянул решительный Хушанг, схватил камень, напряг руку и с силой царственной метнул. Вредоносный змей отскочил, и камень ударился о каменную глыбу. Камни раскололись, вспыхнуло пламя, засверкав яркими лучами. Змея Хушанг не убил, но добыл огонь, скрытый в природе камня. Хушанг воскликнул: „Это божественный огонь, поклоняйтесь ему, разумные!“ Настала ночь, запылал огромный костер. Шах с людьми устроил в ту ночь у этого костра праздник, пил вино и дал этому благословенному празднику имя Садэ».

В версии, переданной Фирдоуси, слились два предания — об огне, как главной принадлежности Садэ, и о том, как был открыт огонь. Встреча со змеем, которого Хушанг не убивает, происходит вне времени года, а его противником представлен человек. Тем не менее временная соотнесенность Садэ косвенно проявилась: о Садэ в Шах-наме рассказано раньше, чем о Наврузе, празднике весеннего равноденствия, и этим отмечена их сезонная преемственность в году. Как бы смыкается с идеей Намāsprāθmaidaуа «Противоборства» зимняя касыда Манучихри (ум. 1040/41), газневидского поэта, знатока древних обычаев, современника Бируни (973—1048). Манучихри называет Садэ предвестником Навруза в его предстоящем сражении с воинством Зимы:

Bar laškar-i zimistān Navrōz-i nāmdār
 Kardast rāy-i tāxtan-ū qasd-i kārzār.
 W-īnak biyāmadast ba pānjāh rōz pēš
 Jašn-i Sada talāya-yi Navrōz-u Navbahār
 Ārē har ān gah-ē ki sipāh-e šavad ba razm
 Z-avval ba čand rōz biyāyad talāyadar...¹⁶

«Славный Навруз решил наконец дать бой силам Зимы. Поэтому и пришел к нам пятьюдесятью днями раньше праздник Садэ, предвестник Навруза и весны. Ведь всегда передовой отряд опережает войско, которое идет воевать». Удивительно как сходно воспринимали этот сезон года поэт XI в. и его очень далекие предшественники, тоже поэты, слагавшие гимны, которые назвали предвесенние месяцы временем противоборства сил природы — др.-иран. Намāsprāθmaidaуа, авест. Намаспраθмаēdayа.

Бируни говорит об обычае загонять в костры Садэ диких зверей и заставлять птиц пролетать сквозь пламя¹⁶. Об этом же рассказывает Бейхаки: «Пустили голубей, обмазанных нефтью, начали бегать подожженные звери, осыпанные снегом»¹⁷; Ибн-Мискавейх: «Наловили ему воронов и кобчиков и прикрепили к их клювам и ногам скорлупу грецких орехов, наполненную оческами хлопка, пропитанную нефтью»¹⁸. Возможно, в XI в. была это лишь жестокая забава и своего рода праздничная иллюминация. Но как часть обряда этот обычай может восходить к тем временам, когда верили, что в облике диких зверей и птиц в кострах праздника сжигают малых вритр, воинство Ажи-Вритры.

Согдийцы называли первое Вагакана, I.VII., «половиной года» — согд. пуш sgdh (Хронология, с. 234). У хорезмийцев этот день был известен как «сто восьмидесятый» — хорезм. stw 'št'cy gwč (Хронология, с. 47). По-персидски первое Дея, I.X., именовалось «девятью днями» — перс. nuvad rōz (Хронология, с. 225). Год делился на два сезона — «лето» и «зиму» по 180 дней. «Зима» состояла из двух периодов, по 90 дней. Про-